

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XIV, part 1

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences

2018

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XIV, часть 1

Ответственный редактор Е. В. Головки

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН

2018

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Е. В. Головки.
Т. XIV. Ч. 1. I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции / Ред. А. Донабедян, Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, Г. Мартиросян; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 525 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko.
Volume XIV. Part 1. I. Armenian and Proto-Indo-European Preterite: Forms and Functions / Eds. A. Donabédian, N. N. Kazansky, P. A. Kocharov, H. Martirosyan; II. Varia. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. — 525 p.

Редакторы раздела I: А. Донабедян, Н. Н. Казанский,
П. А. Кочаров, Г. Мартиросян

Ответственные за выпуск от редколлегии Н. М. Заика,
Г. А. Мольков, А. Ю. Русаков, А. Ю. Урманчиева

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737141

© Коллектив авторов, 2018
© ИЛИ РАН, 2018

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, председатель (ИЛИ РАН);
д. истор. н. А. К. Байбури (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург);
PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет);
д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург);
д. филол. н. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный
университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин
(Европейский Университет в Санкт-Петербурге);
д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль
(университет Чикаго); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD,
к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН); д. филол. н. В. Б. Касевич (Санкт-
Петербургский государственный университет);
к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН);
член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой
литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая
школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН);
к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН,
д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН, Москва);
член-корр. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской
литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург);
д. филол. н., проф. В. И. Подлеская (Российский государственный
гуманитарный университет, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков
(Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж);
PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата Калифорния в Фресно);
д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ
РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, зам. председателя (ИЛИ РАН);
д. филол. н. С. Г. Татевосов (Московский государственный
университет); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН);
д. истор. н. Д. А. Функ (Московский государственный университет);
д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер,
секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен
(университет Хельсинки)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yury E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Vasily M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy general editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences)

I. Претерит в армянском и
праиндоевропейском:
формы и функции

I. The Armenian and
Proto-Indo-European Preterite:
Forms and Functions

PREFACE

The present volume contains a collection of papers dedicated to the study of the verbal morphology and syntax of the Armenian language. In all of its attested varieties, Armenian provides a rich evidence for all fields of linguistics as reflected in multiple approaches and subjects presented in this volume.

The volume is centered around the papers presented at the workshop *The Armenian Verb*, held within the international conference *Armenian Language Contacts through the Ages* at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg on the 12th–15th of May, 2015, and dedicated to the commemoration of the 100th anniversary of the Armenian Genocide. It is the editors' pleasant duty to thank all the contributors as well as the participants of the workshop.

The paper of Anaïd Donabédian, dedicated to the semantics of the aorist tense in Modern Armenian, has theoretical significance. Based on a nuanced corpus-based and typologically-oriented analysis of usage of aorist forms, the author reveals core and peripheral functions of that morphological category. The paper contributes to the identification of universal properties of the aorist category as well as of idiosyncratic peculiarities in its usage in Modern Eastern and Western Armenian. By contrasting the aorist to other morphological categories, the author determines its position within the verbal system as a whole.

In his paper, Vartan K. Kazaryan provides an analysis of the Indo-European sources of Old Armenian tense-aspect stems with the focus on the role of the binary opposition of the present and aorist tenses at different stages of the language history from Proto-Indo-European to Old Armenian. The author explores the intricate interrelation of the derivational and inflectional markers as means to express that opposition.

Ronald Kim presents a fresh look at the history of the Old Armenian weak aorist. The author thoroughly analyzes the distribution of two types of aorist stems in *-ac'*- and *-ec'*- and explains the derivational ties between these stems and the Proto-Indo-European **skē/o*-formations.

An important issue of the historical verbal morphology of Armenian consists in the interrelation of the tense and voice categories. This question has been addressed in several papers included into the present volume.

The genesis of the mediopassive voice marking in the aorist tense is treated by Petr A. Kocharov. The author provides additional arguments in favor of the hypothesis that the Old Armenian mediopassive aorist endings resulted from the reanalysis of the inherited tense-aspect stems and not from the generalized phonetic outcome of the 3 pl. athematic acrostatic conjugation as many believe.

The paper by Frederik Kortlandt is dedicated to the traces of the Proto-Indo-European sigmatic aorist in Old Armenian. The author develops the hypothesis of two layers of sigmatic formations and provides an insightful analysis of the relative chronology of phonetic and morphological processes that allow to better understand the evolution of the Proto-Armenian verbal system.

Hrach Martirosyan dedicates his paper to the variation of dialectal aorist forms related to the Classical Armenian aorist. The author gives a detailed account of the peculiarities of the dialectal attestations of the augment and the 3rd plural aorist form, which may serve as isoglosses that allow to identify archaisms in some of the Armenian dialects.

Already at the conference, Rémy Viredaz presented a handout of 80 pages explaining the origin of the Old Armenian personal endings of the imperfect and aorist tenses. The published paper has been much extended. It contains important observations reaching far beyond the Armenian language. In particular, Viredaz provides a detailed presentation of morphological parallels between the Armenian verbal system and that of Italic, Iranian, Baltic, and Slavic languages. Today, as Armenian is generally assumed to form one subgroup of Indo-European branches with Greek and Phrygian, any demonstration of shared morphological features with other branches is of paramount importance.

The editors hope that the materials, presented in this volume, will stimulate further development of Armenian studies and the discussion of topical issues of the Armenian verbal morphology and syntax in synchrony and diachrony.

Nikolai N. Kazansky

DOI 10.30842/alp2306573714101

В. К. Казарян

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗОВАНИЯ ОСНОВ АРМЯНСКОГО АОРИСТА

1.

Среди индоевропеистов, пишущих об армянском языке в контексте сравнительно-исторического языкознания, преобладает мнение о том, что армянский язык в общем и глагол в частности претерпели большие изменения, иначе говоря, «глубокую трансформацию» [Макаев 1967: 75]. Такой подход к проблеме происхождения форм армянского глагола восходит к Г. Гюбшману и А. Мейе. Г. Гюбшман в заключении к своей знаменательной работе «*Armenische Studien*» высказал мнение, что армянские формы глагола плохо поддаются объяснению. Он считает, что архаичные формы армянского глагола заменены инновациями и, поскольку у нас нет текстов, относящихся к периоду, предшествующему этим инновациям, мало надежд, что когда-либо эти формы удастся надежно определить [Hübschmann 1883: 95]. По мнению А. Мейе, классический армянский (древнеармянский) язык, наследуя грамматические категории индоевропейского праязыка, коренным образом преобразовал всю систему глагола [Meillet 1936: 103]. Это происходит в результате ввода собственных инноваций: исчезает праиндоевропейский перфект, атематическое спряжение, образуется «цойный» аорист и т.д. Таким же образом многие исследователи армянского языка в XX в. рассматривают армянский глагол как далеко отошедший от индоевропейского первоисточника (см. [Bonfante 1942; Barton 1973–1974] и др.).

К. Х. Шмидт посвятил несколько статей особенностям возникновения форм армянского глагола [Schmidt 1980, 1985]. На втором симпозиуме по арменистике, прошедшем в 1982 г. в Ереване, выступая с докладом «*Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums*», он сравнил общие черты армянского глагола с другими индоевропейскими языками и предпринял по-

пытку выявить индоевропейские архаизмы в древнеармянском языке. К.Х. Шмидт отмечает возможные пути образования армянского аориста от индоевропейского опплатива или от протоармянского имперфекта с суффиксом **-ske/o-*, что способствовало вытеснению индоевропейского сигматического аориста [Schmidt 1980: 49–50, 1985: 233–234]. Преобразования индоевропейского имперфекта в армянский аорист отмечали и другие лингвисты (ср. [Bonfante 1942; Barton 1973–1974]). По моему мнению, этот процесс имел частичный характер, и, как будет показано ниже, в целом армянский аорист сохранил многие общие черты древнего индоевропейского аориста.

В данной статье будет рассмотрен аорист, его отличия от презенса и факт сохранения индоевропейской бинарной оппозиции презенса-аориста в древнеармянском языке.

Система глагола древнеармянского языка обнаруживает бинарную оппозицию глагольных видовременных основ. Отвлекаясь от проблемы праиндоевропейского перфекта, такое бинарное противопоставление можно возвести к индоевропейскому состоянию, когда презенс и аорист имели свои способы образования основ, и в зависимости от лексического значения корней соответствующие видовременные формы имели немаркированную (корневую) или маркированную (с помощью аффиксации, редупликации или аблаута) основы. Разграничение основ аориста и презенса подчинялось следующему принципу: маркированному презенсу соответствует немаркированный аорист, а немаркированному презенсу – маркированный аорист.

В индоевропеистике XX века различают в соответствии с современными общелингвистическими теориями способ действия (*Aktionsart*) и глагольный вид (*Aspect*). Данное противопоставление имеет большое значение для описания видовременной системы индоевропейского праязыка.

2.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о первичности или вторичности глагольной системы хеттского языка по отношению к праязыку остальных ветвей, основой реконструкции общеиндоевропейского глагола была и остается греко-индоиранская система.

При рассмотрении видовременной системы индоевропейского глагола, изложение будет исходить из предложенной В. Мейдом и расширенной Э. Нойем и Э. Поломе пространственно-временной модели индоевропейского праязыка [Meid 1975; Neu 1976, 1985; Polomé 1981, 1985]; см. также [Drinka 1988: 254]:

I. Раннеиндоевропейский период (V тыс. до н.э.) — представленный архаичными формами «восточных» (греческий, древнеиндийский) и «западных» (италийские, кельтские, германские) индоевропейских языков.

II. Среднеиндоевропейский период (V–IV тыс. до н.э.) — представленный поздними общими чертами в «восточных» и «западных» индоевропейских языков.

III. Позднеиндоевропейский период (III–II тыс. до н.э.) — представленный поздними инновациями для каждой ареальной группы.

1.1. Раннеиндоевропейский глагол характеризуется бинарным противопоставлением глаголов активного действия и состояния. Первичность подобного противопоставления подтверждается в первую очередь характером основ и флексий глаголов активного действия и состояния. Общеизвестно, что окончания презенса и аориста имеют общее происхождение, в то время как перфект обладал присущими только ему личными окончаниями (см. [Савченко 1960: 9, 11; Safarewicz 1974: 51], русск. перев. [Сафаревич 1964: 14]; [Джаукян 1987: 45]). Известный отечественный санскритолог Т.Я. Елизаренкова, изучая способы образования основ презенса и аориста, приходит к выводу о том, что эти две системы в более ранний период представляли собой единое целое и, только впоследствии происходила их дифференциация [Елизаренкова 1960: 10]; см. также [Kuiper 1937: 72]. Отдельную систему составляли глаголы, передающие значение статива, которые впоследствии приобрели особые морфологические признаки (редупликация, корневая огласовка *-o-) и легли в основу морфологической категории перфекта и, возможно, медиального залога.

В раннеиндоевропейском периоде, когда еще не сформировался аспект, акциональное противопоставление не имело морфологического выражения и способы действия передавались лексическими возможностями корня, ср. корневые основы **d^heh₁-*

‘класть’, **deh*₃- ‘дать’, **b^heid*- ‘ударить’, **g^wem*- ‘идти’, **k^wer*- ‘делать’, **h₃erg*- ‘гибнуть’ и т.д.

1.2. В среднеиндоевропейский период глаголы действия с корневой основой, в зависимости от лексического значения корня могли передавать такие значения как дуративность и терминативность (недуративность, пунктивность). Если корневая основа, в силу лексического значения корня, выражает терминативное значение, то с помощью грамматических маркеров (аффиксации, редупликации, аблаута) глагол может передавать значение дуративности, инхоативности, итеративности или интенсивности, и наоборот, если базовым для корневой основы является дуративное значение, то с помощью дополнительных грамматических маркеров глагол может выражать значение терминативности [Gotō 2013: 82]¹.

Некоторые дуративные глаголы не позволяют им принимать маркеры, выражающие терминативное значение. Тогда срабатывает другой способ выражения соответствующего терминативного значения — супплетивизм [Gotō 2013: 82]. Супплетивизм присутствует во всех древних индоевропейских языках. Еще Г. Остгоф показал, что древнеармянский глагол *utem* ‘я ем’, аор. *keray* находит параллель в супплетивных парах с тем же значением в других языках, ср. др.-инд. *átti* ‘он ест’, аор. *ághas* и др.-гр. ἔδω ‘я ем’, аор. ἔφαγον [Osthoff 1899: 7]².

Таким образом, в среднеиндоевропейской эпохе, с помощью грамматических маркеров, развивается аспектуальная оппозиция перфектив vs. имперфектив. Формируется флексия с единственными вторичными окончаниями для всех глаголов действия.

Терминативные (так называемые «аористные») глаголы после формирования категории времени на третьем позднеиндоевропейском этапе, образуют корневые сильные формы аориста [Austefjord 1988: 26]. Поскольку от их корневой основы не

¹ В. Порциг полагал, что поскольку форманты, оформляющие в праиндоевропейском способы действия, часто совпадают с именными основами, они могут отражать состояния праязыка, в котором одна и та же основа могла склоняться и спрягаться [Porzig 1927: 152].

² О супплетивизме см. также [Мейе 1938: 214; Gotō 2013: 82].

могли образовываться формы настоящего времени, в качестве основ настоящего времени выступали вторичные образования, основные типы которых перечислены ниже.

1) Редуцированные основы:

а) $*d^h e h_1-$ ‘положить’ → $*d^h e-d^h e h_1-$ ‘класть’: вед. аор. *ádhāt* ‘он положил’, през. *dádhāti*; авест. през. *dadāiti*; др.-гр. аор. ἔθηκε ‘положил’ (мик. *te-ke*, гомер. θῆκε), през. τίθημι ‘кладу’; др.-арм. аор. *ed* ‘он положил’, през. с назальным инфиксом *dnem* ‘я кладу’; хетт. *zikkizzi* (презенс с суффиксом $*-ské/o-$) наряду с *tēzzi* ‘кладет’.

б) $*deh_3-$ ‘дать’ → $*de-deh_3-$ ‘давать’: вед. аор. *ádāt* ‘он отдал’, през. *dādāti* ‘дает’; авест. през. *dadāiti* ‘дает’; др.-гр. аор. ἔδομεν, през. δίδωμι ‘даю’; ср. также древнеармянский корневой аорист *et*.

в) $*stéh_2-$ ‘поставить’ → $*sti-stéh_2-$ ‘ставить’: вед. аор. *ásthāt* ‘положил’, през. *tíṣṭhati* ‘ставит’, авест. *hištānti* ‘ставит’; др.-гр. аор. ἔστην, през. ἵστημι ‘ставлю’; лат. през. *sistō* ‘ставлю’, умбр. през. *sest*.

2) Основы, образованные с помощью инхоативно-итеративного суффикса $*-ské/o-$:

а) $*g^w em-$ ‘идти’ → $*g^w m-ské/o-$ ‘ходить’: вед. аор. *ágan*, през. *gácchati* ‘ходит’; авест. през. *jasaiti* ‘ходит’; др.-гр. (Гом.) аор. βάτην, импер. βάσκε ‘иди’, през. $*\beta\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$; др.-арм. корневой аорист с аугментом *ekn* ‘пришел’.

б) $*prek-$ ‘спросить’ → $*prk-ské/o-$ ‘спрашивать’: вед. аор. *áprāt* ‘спросил’, през. *prcchāti* ‘спрашивает’; авест. *pərəsā*; лат. през. *poscō* ‘требую’; др.-арм. корневой аорист *eharc* ‘он спросил’.

3) Основы, образованные с помощью назальных аффиксов. В индоевропейских языках в процессе образования основ презенса немаловажную роль сыграли назальные аффиксы. Существует обширная литература о происхождении назального форманта, его функций и роли в формировании основ презенса [Benveniste 1935; Kuiper 1937; Puhvel 1960; Cowgill 1963; Strunk 1967; Meiser 1993]; для отдельных языков см. [Fay 1904, 1905a, 1905b; Tedesco 1948; Greppin 1973; Hamp 1975; Ařak‘elyan 1980; Иванов 1965] и т.д. Назальный формант, так или иначе, отражен во всех индоевропейских языках, но лучше всех представлен в

индоиранских. Санскритские грамматики глаголы с назальным аффиксом, в соответствии с их структурой, распределили по трем классам — V, VII и IX. Согласно Ф. де Соссюру, эти классы имеют общее происхождение. Анализируя классы с назальными аффиксами, он утверждает, что *punā-* ‘очищать’ и *śṛṇo-* ‘слышать’ возникли из *puə-* и *śru-*, так же, как и *bhinad-* ‘разбивать’ от корня *bhid-* [Соссюр 1977: 519–523]:

a) $*b^h\text{eid-}/*b^h\text{id-} + *ne/n- > *b^h\text{i-ne-d-}/*b^h\text{i-n-d-}$: др.-инд. *bhináti/ bhīndmās* ‘разбивать’.

b) $*preuə-/*puə- + *ne/n- > *pu\text{-ne-ə-}/*pu\text{-n-ə-}$: др.-инд. *punáti/ punīmās* ‘очищать’.

c) $*k̑leu-/*k̑lu- + *ne/n- > *k̑\text{-ne-u-}/*k̑\text{-n-u-}$: др.-инд. *śṛṇóti/ śṛṇumās* ‘слышать’.

Идея Соссюра впоследствии получила широкое распространение и находит много сторонников в современной индоевропеистике. При этом есть два подхода к первоначальной структуре назального форманта. Часть лингвистов поддерживает предложенную Соссюром реконструкцию инфикса $*ne/n-$ с аблаутом и слабой ступенью корня [Specht 1932: 82; Cowgill 1963: 252; Савченко 1974: 265] и др. Другие исследователи восстанавливают формант $*n-$ [Hirt 1900: 46, 138 и сл., 1928: 198 и сл.; Бенвенист 1955; Strunk 1967: 26]. Так или иначе, назальный инфикс является общеиндоевропейским архаизмом.

Из сочетаний назального инфикса с ларингалом и формантом $*u-$ возникают назальные суффиксы³. Тематизация атематических основ с назальными аффиксами происходит предположительно в позднеиндоевропейскую эпоху. Согласно А. Мейе, тематический тип др.-инд. *siñcāti*, авест. *hinčaiti* ‘ллет’, при аор. *ásicat* относится к индоевропейской эпохе [Мейе 1938: 231].

Для данной статьи важное значение имеет проблема функции назальных аффиксов в праязыке и их отражение в армянском и других индоевропейских языках. Детально рассмотрев назальные классы Ригvedы (VII, V, IX), Т. Я. Елизаренкова приходит к выводу, что подавляющее большинство глаголов этих

³ Об образовании назальных суффиксов от инфиксов пишут Е. Курилович [1964: 107], О. Семереньи [1970: 286–288] и др.

классов имело переходное значение и, сочетаясь с терминативным видом, впоследствии приобретало значение каузативности [Елизаренкова 1961: 106 и сл.]. Это значение присуще всем трем классам санскрита, обладающим назальным аффиксом: *rinákti* ‘отпускает’ при *rícyate* ‘отпускается’; *miñcáti* ‘освобождает’ при *mícyate* ‘освобождается’; *punáti* ‘очищает’ при *pávate* ‘очищается’; *kṣinóti* ‘уничтожает, разрушает’ при *kṣīyate* ‘разрушается’. Каузативное значение глаголов с назальным формантом обнаруживается также в других индоевропейских языках (см. [Казарян 2007: 114–115]). Довольно четкое каузативное значение имеют назальные глаголы хеттского языка [Surtevant 1951: 127, 196; Иванов 1965: 175]. В хеттском глагол *harakzi* ‘гибнуть’ (*hark-* < **h₃érg-* ‘гибнуть’) при присоединении суффикса *-*ske/o-* образует итеративный глагол *harkisk-*, а с помощью назального форманта – каузативный глагол ‘губить, уничтожать’: *harnink-* < **h₃r-né/n-g-* (с назальным инфиксом), *harganu-* (с назальным суффиксом). Этот же глагол представлен в армянском языке с подобным значением: *harkanem* ‘бью, уничтожаю’. Можно упомянуть также хеттский глагол *arnuzi* ‘сдвигает, доставляет’, имеющий прямые параллели в др.-инд. *ṛṇóti* ‘двигает’ и др.-гр. ῥῥυσι ‘поднимаю’. Каузативное значение этого глагола в древних памятниках трех языков представляет собой важную закономерность, позволяя исследовать значения данного морфологического типа в общиндоевропейском языке [Иванов 1965: 178]. Армянские назальные глаголы, имеющие надежные индоевропейские соответствия, характеризуются переходностью, а также каузативным значением: *bekanem* ‘ломаю’, ср. др.-инд. *bhanákti* ‘ломает’, лит. *bengiù* < **b^h-né/n-g-*; *bucanem* ‘выращиваю, кормлю’, ср. др.-инд. *bhunákti* ‘ест’ < **b^hu-né/n-g-*; *banam* ‘открываю’, ср. др.-гр. φαίνω ‘показываю’ < **b^h-né/n-h₂-* и т.д.

Противопоставление индоевропейских основ презенса и аориста очень ярко выражено в глагольных классах, имеющих в презенсе назальные аффиксы, а в аористе, как правило, корневую основу. В частности, К. Штрук, обращаясь в своем обстоятельном исследовании к взаимоотношениям назальных аффиксов и аориста в древнеиндийском и греческом, устанавливает, что глаголам с назальными суффиксами *-*neu/nu-* и *-*nā/nə-* присущ корневой аорист [Strunk 1967]. Необходимо уточнить, что назаль-

ные «презентные» основы являются маркированными и образованы от «аористных» корневых основ. Назальные аффиксы таким образом служат для образования основ презенса от корневых основ аориста глаголов с признаками переходности, однократности, терминативности.

Глагольная система древнеармянского языка унаследовала от индоевропейского праязыка противопоставление основ презенса и аориста. Исчезновение редупликации и аблаута в системе презенса привели к более яркой выраженности назальных форм презенса по отношению к корневому аористу. Древнеармянские глаголы, оканчивающиеся на *-an-em* и *-an-im*, восходящие к индоевропейским глаголам с инфиксальной презентной основой образуют тематические корневые основы аориста. Наряду с упомянутыми выше *bekanem*, *bucanem* и *harkanem*, можно упомянуть также:

а) **léik^w /lik^w* → **li-né/n-k^w* - ‘покидать’ > др.-арм. аор. *e-lik*’, през. *lk’anem* ‘покидаю’; др.-инд. корн. аор. *áricat*, през. *rinákti* ‘покидает’; др.-гр. корн. аор. ἔλιπον, през. λιπῶ ‘оставляю’; лат. през. *linquō, -ere* ‘оставляет’.

б) **úeid-/uid-* → **ui-né/n-d-* ‘видеть, знать’; др.-арм. аор. *egit*, през. *gtanem* ‘нахожу’; др.-инд. корн. аор. *ávidat*, през. *vindáti* ‘находит’; авест. корн. аор. *vīdat*, през. *vīnastī* ‘находит’; др.-гр. корн. аор. εἶδον ‘увидел’.

Таким образом, в среднеиндоевропейский период образуются грамматические классы основ глагола с разными аспектуальными значениями. Можно сказать, что в этот период с помощью разных грамматических маркеров (аффиксация, редупликация, аблаут) происходит грамматикализация показателей способов действия (Aktionsart). На этом этапе еще нельзя говорить о видовременной системе индоевропейского глагола, поскольку категория времени еще не была морфологически выражена. Все классы основ имеют единый набор личных окончаний (так называемых «вторичных»), реконструируемых как 1 sg. **-m*, 2 sg. **-s*, 3 sg. **-t*, 3 pl. **-nt*. Приблизительно к таким же выводам приходит Б. Дринка [Drinka 1995].

1.3. На третьем позднеиндоевропейском этапе перед распадом индоевропейской языковой общности формируется противопоставление первичных и вторичных окончаний, выражающее кате-

горию времени. Формирование категории времени относится к эпохе диалектного членения и распада индоевропейской языковой общности. Одновременно с образованием временных форм завершается и формирование полноценной системы аспекта (имперфективность vs. перфективность). Начинает формироваться видовременная оппозиция форм презенса, имперфекта и аориста, которая не получает завершения из-за распада индоевропейского языка. Поэтому видовременная система индоевропейского глагола не поддается унифицированной реконструкции.

Оппозиция презенс-имперфект-аорист хорошо представлена в греко-индоиранском языковом ареале, к которому примыкает армянский. В древнеармянском от индоевропейского имперфекта остались только следы в системе аориста; древнеармянский имперфект является новообразованием [Schmidt 1985]: през. *berem* < **b^her-e-mi*, имперф. *beri* < **e-b^her-e-m*.

Таким образом, категория времени, связанная с различием первичных и вторичных окончаний, имеет позднее происхождение⁴.

На втором и третьем этапах индоевропейского праязыка, завершается оформление видовременной оппозиции презенс-имперфект-аорист, где темпоральная оппозиция происходит в рамках флексии, а аспектуальная оппозиция — в рамках глагольных основ:

1) Корневые (сильные, немаркированные) формы аориста для передачи значения протекания действия (импрефективность) получают грамматические маркеры (аффиксация, редупликация и т.д.) и образуют глагольные маркированные основы.

2) Корневые (немаркированные) основы с дуративным значением в системе презенса, образуют маркированные (редуплицированные, сигматические) основы аориста.

Редулицированные основы аориста хорошо представлены в древнеиндийском и древнегреческом⁵. Только в Ригведе коли-

⁴ Согласно Я. Сафаревичу, категория времени образовалась в эпоху самостоятельного развития отдельных диалектных групп индоевропейского языка ([Safarewicz 1974: 54]; перевод на русск. [Сафаревич 1964: 16]).

чество глаголов с редулицированным аористом до шестидесяти [Елизаренкова 1960: 111]. Однако не все из них первичны. Глагольные основы аориста с удвоением часто имеют каузативные глаголы. Необходимо отметить, что древнеиндийский X класс презенса характерен для глаголов с каузативным значением, имеющих редулицированный аорист, например, *coráyati* ‘крадет’ — аор. *ácūcurat*; *kṣāláyati* ‘стирает, моет’ — аор. *ácikṣalat*; *pīdáyati* ‘давит, мучит’ — аор. *ápipīdat*; *bódhati* ‘бодрствует’, кауз. *bodháyati* ‘будит’ — аор. *ábudha*, кауз. *ábūbudhat*; *janóti*, кауз. *janáyati* ‘порождает’ — аор. *ájan*, кауз. *ájījanat* и т.д.

О. Семереньи [1970: 299] приводит несколько древнегреческих глаголов с редулицированным аористом и каузативным значением: ἔλαθετο ‘забыл’, при ἐκ-λέλαθον ‘побудил (его) забыть’; λαύχωνο ‘выиграть, получить (по жребию)’; при λελάχουσι ‘(чтобы они меня) включили в долю’.

Учитывая, что надежные формы данного типа аориста не встречаются вне греко-армяно-индоиранского ареала, можно предположить ареальный характер редулицированных основ аориста.

а) **uék^w-/uk^w-* → **ué-uk^w-e-* > др.-инд. аор. *ávocat* ‘он сказал’, през. *vákti* при редул. *vívakti* ‘говорить’; гр.-аор. ἔ(φ)ειπον ‘он сказал’, при ἔπος ‘слово, речь’, др.-арм. през. *goč’em* ‘кричу’;

б) **h₂ég-e-* > вед. *ájati* ‘нести’; авест. *azaiti*; арм. *acem* ‘нести’; гр. ἄγω ‘вести’ при редул. аор. ἤγαγον.

с) **ké-kad-e-* > **kád-e-*: др.-гр. (Гом.) аор. κεκάδοντο ‘отступать’; лат. през. *cadō, -ere* ‘падать’.

Для сигматического аориста трудно найти закономерность его соотношения с классами презентных основ — обстоятельство, подтверждающее позднее происхождение сигматического аориста⁶. К. Уоткинз полагает, что сигматический аорист появился только в части индоевропейских диалектов и является иннова-

⁵ Древнеармянский язык сохранил только одну основу аориста с удвоением: през. *ařnet* ‘я делаю’, аор. *arari*.

⁶ О позднем происхождении сигматического аориста см. [Meillet 1908: 79 и сл.; Kuryłowicz 1964: 109; Иванов 1965: 173–174] и др.

цией, которая получила развитие в отдельных диалектах [Watkins 1962: 101–102]. В этих диалектах сигматические образования распространяются за счет корневого аориста, постепенно вытесняя последний [Meillet 1908; Kuryłowicz 1964: 78]. Сходное явление наблюдается также в греческом, где, по мнению П. Шантрена, сигматический аорист на *-σα* «постепенно становится “нормальной” формой греческого аориста» [Шантрен 1953: 150]. Возможно, сигматический аорист развился на базе форм имперфекта, образованных от сигматических основ презенса (о соотношении сигматических основ презенса и аориста см. [Иванов 1959: 29–31; Watkins 1962]). Можно предположить, что исходные сигматические основы презенса и имперфекта передавали значение терминативности, моментальности, что больше присуще «аористичным» основам.

В древнеармянском, сигматический аорист как класс не сохранился. Его следы можно обнаружить в ряде форм презенса, образованных от основ сигматического аориста: **h₃néid-s-* > аор. *anēc*, през. *anic-an-em* ‘проклинаю’; **mer-s-* > аор. *meṙaw*, през. *meṙ-an-im* ‘умираю’. Наряду с корневым аористом, в армянском языке имеется так называемые «цойные» основы аориста. Происхождение аористного суффикса *-c’-* связывается с суффиксом **-ské/o-* (см. [Джаукян 1982: 89, 231]). Цойным способом аорист формируют все простые (корневые) глаголы спряжений на *-e-*, *-i-* и *-a-* (кроме глаголов *acem* ‘несу’, *berem* ‘несу’, *hanem* ‘снимаю’, *nstim* ‘сизжу’ и *lsem* ‘слушаю’).

В то время как в древнеиндийском, сигматический аорист чаще всего встречается у глаголов с корневыми тематическими презентными основами, в древнеармянском глаголы с корневыми тематическими презентными основами образуют цойный аорист:

а) **h₂eǵ-s-*: **h₂eǵ-e-*: др.-инд. аор. *ájiṣus*, през. *ájati* ‘вести’, др.-гр. аор. *ἦῥα*, при редупл. аор. *ἦγαγον*, през. *ἄγω* ‘вести’; др.-арм. през. *acem* ‘несу’.

б) **h₁ueǵ^{wh}-s-*: **h₁ueǵ^{wh}-*: др.-инд. аор. *áhuiṣta*, през. *óhate* ‘торжественно говорить’; др.-гр. аор. *ἦῥάμην*, през. *εὔχομαι* ‘молиться’, др.-арм. цойн. аор. *uzeac* ‘, през. *uzem* ‘хочу’.

в) **h₃méiǵ^h-s-*: *h₃méiǵ^h-e-*: др.-инд. аор. *ámikṣat*, през. *méhati* ‘мочиться’, др.-гр. аор. *ᾠμειξεν*, през. *ὠμιξειν* ‘мочиться’, лат. сигм. аор. *mīxī*, др.-арм. цойн. аор. *mizeac* ‘, през. *mizem* ‘мочиться’.

3.

Как отмечалось выше видовременная система с трехчастной оппозицией презенс-имперфект-аорист возникает в позднеиндоевропейскую эпоху. На третьем этапе индоевропейского языкового состояния наряду с презенсом и аористом образуется имперфект. Своими вторичными окончаниями он образует темпоральную оппозицию презенсу, а своей презентной основой — аспектуальную оппозицию аористу.

Глагольные основы, выражающие аспектуальные значения, распределяются соответственно со своими грамматическими характеристиками:

	Имперфективность	Перфективность
Настоящее время	$*d^h e-d^h eh_1-mi$ (презенс)	
Прошедшее время	$*d^h e-d^h eh_1-m$ (имперфект)	$*d^h eh_1-m$ (аорист)

Фактически, здесь мы имеем дело не с тернарной оппозицией презенс-имперфект-аорист, а с двумя бинарными оппозициями:

1) *Аспектуальная бинарная оппозиция:*

- а) дуративная основа (презенс и имперфект) выражает имперфективный вид;
- б) терминативная основа (аорист) выражает перфективный вид;

2) *Темпоральная бинарная оппозиция:*

- а) настоящее время — презенс с первичными окончаниями;
- б) прошедшее время — имперфект и аорист со вторичными окончаниями.

К этому периоду можно также отнести окончательное формирование оппозиции маркированных и немаркированных основ презенса и аориста, так как после возникновения категории имперфекта со вторичными окончаниями и значением несовершенного вида, единственным способом разграничения этого грамматического значения от аориста со значением совершенного

вида прошедшего времени была оппозиция основ презенса и аориста, характерная для того или иного глагола.

Таким образом, восстанавливаемая для индоевропейского по данным древнегреческого и древнеиндийского языков трехчастная система видовременного противопоставления в ряде индоевропейских языков перешла в систему с бинарной оппозицией. В древнеармянском она отражается как оппозиция презенса-аорист, морфологическое оформление которой видно на примере ряда инноваций в древнеармянском языке. Подобное превращение наблюдается также и в других индоевропейских языках — латинском, балтийских, славянских [Серебренников 1974: 256]. Разнообразные основы древнегреческого глагола уступают свое место бинарному противопоставлению презенса-аорист в новогреческом языке [Мейе 1938: 427].

4.

Подводя итог, можно констатировать, что еще в общеиндоевропейском праязыке развилась формальная и системная оппозиция глагольных основ презенса и аориста, которые противопоставлялись для каждого глагола по отдельности. Этим обусловлено появление в индоевропейском двух типов глагольных основ — маркированного и немаркированного. На их противопоставлении строится видовременная система глагола: немаркированному презенсу соответствует маркированный аорист и, наоборот, — немаркированному аористу соответствует маркированный презенс.

Подобное противопоставление особенно отчетливо проявляется на третьем этапе развития индоевропейского языка, после морфологического оформления в нем категории времени и развития форм имперфекта. Такая оппозиция маркированных и немаркированных форм исключает совпадение корневых основ имперфекта с корневыми основами аориста или редуцированной основой имперфекта с редуцированной основой аориста в рамках одного глагола, так как в этом случае становится невозможным формально отличать имперфект от аориста.

Такая система оппозиции глагольных основ презенса и аориста, начиная с индоевропейского периода, получает дальнейшее развитие в отдельных языках. Это состояние хорошо выра-

жено в древнеиндийском, в какой-то мере в древнегреческом и старославянском. Древнеармянский сохранил и развил подобное бинарное противопоставление, что привело к образованию регулярных глагольных классов, характеризующихся определенными сочетаниями основ презенса и аориста.

Литература

- Джаукян 1982 — Г. Б. Джаукян. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН АССР, 1982. [G. B. Dzhaukian. Sravnitel'naia grammatika armianskogo iazyka [Comparative grammar of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1982].
- Джаукян 1987 — Г. Б. Джаукян. История армянского языка: Дописьменный период (на арм. яз.). Ереван: Изд-во АН АССР, 1987. [G. B. Dzhaukian. Istorija armjanskogo jazyka: dopis'mennyj period [The History of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1987].
- Елизаренкова 1960 — Т. Ia. Elizarenkova. K voprosu o stanovlenii kategorii vremeni v drevneindiiskom iazyke (Rigveda) // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 16. [T. Ya. Elizarenkova. K voprosu o stanovlenii kategorii vremeni v drevneindiiskom jazyke (Rigveda) [On the formation of the tense category in Old Indic] // XXV Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov. Doklady delegatsii SSSR. М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. P. 16].
- Елизаренкова 1961 — Т. Я. Елизаренкова. Значение основ презенса в «Ригведе» // М. Г. Асланов (ред.). Языки Индии: сборник статей. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 91–165. [T. Ia. Elizarenkova. Znachenie osnov prezensa v «Rigvede» [The meaning of the present stems in Rigveda] // M. G. Aslanov (ed.). Iazyki Indii: sbornik statei. М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961. P. 91–165].
- Иванов 1959 — Вяч. Вс. Иванов. Тохарские языки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. [Viach. Vs. Ivanov. Tokharskie iazyki [Tocharian languages]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959].
- Иванов 1965 — Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.: Наука, 1965. [Viach. Vs. Ivanov. Obshcheindoevropskaia, praslavianskaia i anatoliiskaia iazykovye sistemy [Proto-Indo-European, Proto-Slavic, and Anatolian language systems]. Moscow: Nauka, 1965].
- Казарян 2007 — В. К. Казарян. О некотором сходстве образования каузатива в армянском и тохарских языках // В. А. Кочергина (общ. ред.). Лингвистическая компаративистика в культурном и

- историческом аспектах. Материалы V международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 114–118. [V. K. Kazarian. O nekotom skhodstve obrazovaniia kauzativa v armianskom i tokharskikh iazykakh [On the similarity of the formation of the causative in Armenian and Tocharian] // V. A. Kochergina (ed.). *Lingvističeskaja komparativistika v kul'turnom i istoričeskom aspektakh. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po sravnitel'no-istoričeskomu iazykoznaniiu*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. P. 114–118].
- Макаев 1967 — Э. А. Макаев. Значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния // Историко-филологический журнал 4, 1967. С. 75–90. [E. A. Makaev. *Znachenie armianskogo iazyka dlja rekonstruktsii obshcheindoeuropeiskogo sostoianiia* [The significance of Armenian for the reconstruction of Proto-Indo-European] // *Istoriko-filologičeskii žurnal* 4, 1967. P. 75–90]
- Мейе 1938 — А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. [A. Meie. *Vvedenie v sravnitel'noe izučenie indoeuropeiskikh iazykov* [Introduction to the comparative study of Indo-European languages]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomičeskoe izdatel'stvo, 1938]
- Савченко 1960 — А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1960. [A. N. Savchenko. *Proiskhozhdenie srednego zaloga v indoeuropeiskom iazyke* [The origin of middle voice in Indo-European]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1960]
- Савченко 1974 — А. Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая Школа, 1974. [A. N. Savchenko. *Sravnitel'naia grammatika indoeuropeiskikh iazykov* [Comparative grammar of Indo-European languages]. Moscow: Vysshaja shkola, 1974]
- Сафаревич 1964 — Я. Safarevich. Razvitie formativov vremeni v i.e. glagol'noi sisteme // В. Н. Топоров (отв. ред.). Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М.: Наука, 1964. С. 13–17. [Ya. Safarevich. *Razvitije formativov vremeni v indoeuropejskoj sisteme* [The development of tense formations in the Indo-European verbal system] // V. N. Toporov (ed.). *Problemy indoeuropeiskogo iazykoznaniiu. Etiudy po sravnitel'no-istoričeskoj grammatike indoeuropeiskikh iazykov*. Moscow: Nauka, 1964. P. 13–17]
- Серебрянников 1974 — Б. А. Серебрянников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. [B. A. Serebrennikov.

- Veroiatnostnye obosnovaniia v komparativistike [Probability methods in the comparative linguistics]. Moscow: Nauka, 1974]
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // А. А. Холодович (пер. с франц. яз. под ред.). Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 302–562. [F. de Saussure. *Memuar o pervonachal'noi sisteme glasnykh v indoevropeskikh iazykakh* [Memoir on the primitive system of vowels in Indo-European languages] // Trans. from French and ed. by A. A. Kholodovich. Ferdinand de Saussure. Trudy po iazykoznaniiu. Moscow: Progress, 1977. P. 302–562]
- Шантрэн 1953 — П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. [P. Chantraine. *Istoricheskaiia morfologiia grecheskogo iazyka* [Historical morphology of the Greek language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953]
- Ařak'elyan 1980 — V. D. Ařak'elyan. Seri k'erakanakan kargə ew bayacanc'nerə grabarowm [The category of voice and the verbal affixes in Old Armenian] // *Patma-banasirakan handes* 2, 1980. P. 72–86.
- Austefjord 1988 — A. Austefjord. On the oldest type of aorists in Indo-European // *Journal of Indo-European Studies* 16/1–2, 1988. P. 23–32.
- Barton 1973–1974 — Ch. Barton. The Armenian strong aorist // *Revue des études arméniennes* 10, 1973–1974. P. 27–38.
- Benveniste 1935 — E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1935.
- Bonfante 1942 — G. Bonfante. The Armenian aorist // *Journal of the American Oriental Society* 62/2, 1942. P. 102–105.
- Cowgill 1963 — W. Cowgill. Rec.: J. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European Verb // *Language* 39/2, 1963. P. 248–270.
- Drinka 1988 — B. A. Drinka. Evidence for the space-time hypothesis. The IE s-aorist // *Journal of Indo-European studies* 16/3–4, 1988. P. 253–265.
- Drinka 1995 — B. A. Drinka. Areal linguistics in prehistory: Evidence from Indo-European aspect // A. Henning (ed.). *Historical Linguistics 1993. Selected papers from the 11th International Conference on Historical Linguistics, Los Angeles, 16–20 August 1993*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 143–158.
- Fay 1904 — E. Fay. The Indo-Iranian nasal verbs (part I — Introduction) // *American Journal of Philology* 25/4, 1904. P. 369–389.
- Fay 1905a — E. Fay. A semantic study of the Indo-Iranian nasal verbs (part II) // *American Journal of Philology* 26/2, 1905. P. 172–203.
- Fay 1905b — E. Fay. A semantic study of the Indo-Iranian nasal verbs (part III) // *American Journal of Philology* 26/4, 1905. P. 376–408.

- Gotō 2013 — T. Gotō. *Old Indo-Arian Morphology and Its Indo-Iranian Background*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013.
- Greppin 1973 — J. A. C. Greppin. The origin of Armenian nasal suffix verbs // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 87/2, 1973. P. 190–198.
- Hamp 1975 — E. Hamp. On the nasal presents of Armenian // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 89/1, 1975. P. 190–198.
- Hübschmann 1883 — H. Hübschmann. *Armenische Studien*. I. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- Kuiper 1937 — F. B. J. Kuiper. *Die indogermanischen Nasalpräsentia*. Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse. Amsterdam: Noord-hollandsche Uitgeversmaatschappij, 1937.
- Kuryłowicz 1964 — J. Kuryłowicz. *The Inflectional Categories of Indo-European*. Heidelberg: Winter, 1964.
- Meid 1975 — W. Meid. Probleme der räumlichen und zeitlichen Gleiderung des Indogermanischen // H. Rix (Hrsg.). *Flexion und Wortbildung*. Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Regensburg, 9. bis 14. September 1973. Wiesbaden: Reichert, 1975. P. 204–219.
- Meillet 1908 — A. Meillet. Sur l'aoriste sigmatique // *Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure*. Paris: Champion, 1908. P. 79–106.
- Meillet 1936 — A. Meillet. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1936.
- Meiser 1993 — G. Meiser. Zur Funktion des Nasalpräsens im Urindogermanischen // G. Meiser (Hrsg.). *Indogermanica et Italica*. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993. P. 280–313.
- Neu 1976 — E. Neu. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbal-systems // A. Morpurgo Davies, W. Meid (eds.). *Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics Offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, June 5, 1976*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1976. P. 239–254.
- Neu 1985 — E. Neu. Das frühindogermanische Diathesensystem. Funktion und Geschichte // B. Schlerath, V. Rittner (eds.). *Grammatische Kategorien — Funktion und Geschichte*. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin, 20. bis 25. Februar 1983. Wiesbaden: Reichert, 1985. P. 275–295.
- Osthoff 1899 — H. Osthoff. *Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen*. Heidelberg: Universitätsbuchdruckerei von J. Hörning, 1899.

- Polomé 1981 — E. L. Polomé. Indo-European verb morphology. An outline of some recent view with special regard to old Indic // International Journal of Dravidian Linguistics 9/1, 1981. P. 158–169.
- Polomé 1985 — E. L. Polomé. How archaic is old Indic? // U. Pieper, G. Stickel (eds.). *Studia linguistico diachronica et synchronica*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1985. P. 671–683.
- Porzig 1927 — W. Porzig. Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildungen // *Indogermanische Forschungen* 45/1, 1927. P. 152–167.
- Puhvel 1960 — J. Puhvel. *Laryngeals and the Indo-European Verb*. Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Safarewicz 1974 — J. Safarewicz. The development of the formants of tense in the Indo-European verbal system // J. Safarewicz. *Linguistic Studies*. The Hague: Mouton de Gruyter, 1974. P. 50–55.
- Schmidt 1980 — K. H. Schmidt. Armenian and Indo-European // J. A. C. Greppin (ed.). *First International Conference on Armenian Linguistics: Proceedings, the University of Pennsylvania, Philadelphia, 11–14 July 1979*. Delmar — New York: Caravan Books, 1980. P. 35–58.
- Schmidt 1985 — K. H. Schmidt. Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 98/2, 1985. P. 214–237.
- Strunk 1967 — K. Strunk. *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter, 1967.
- Sturtevant 1951 — E. H. Sturtevant. *A Comparative Grammar of the Hittite Language*. New Haven — London: Yale University Press, 1951.
- Tedesco 1948 — P. Tedesco. Slavic *ne-* presents from Older *je-* presents // *Language* 24/4, 1948. P. 346–387.
- Watkins 1962 — C. Watkins. *Indo-European Origins of the Celtic Verb. I The Sigmatic Aorist*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1962.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции

Предисловие.....	9
<i>А. Донабедян (Париж)</i> Семантика аориста в современном армянском языке: инвариантные значения и их контекстные реализации.....	11
<i>В. К. Казарян (Москва)</i> Индоевропейские истоки образования основ армянского аориста	68
<i>Р. Ким (Познань)</i> Предыстория древнеармянского слабого аориста	86
<i>П. А. Кочаров (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о происхождении древнеармянских медиопассивных окончаний.....	137
<i>Ф. Кортландт (Лейден)</i> Развитие сигматического аориста в армянском языке	149
<i>Г. Мартиросян (Лейден)</i> Развитие древнеармянского аориста в современных диалектах	153
<i>Р. Вирда (Женева)</i> Окончания аориста и имперфекта древнеармянского языка	163

II. Varia

<i>Ш. М. Аламшоев (Хорог)</i> Иноязычная фразеология в шугнанском языке.....	271
<i>В. А. Бондарь (Санкт-Петербург)</i> Семантика перфекта и ее реализация в американском английском.....	283
<i>Ю. А. Дзицойты (Цхинвал)</i> Архаизмы в топонимии Осетии: названия пастбищ.....	316

Содержание

<i>В. В. Козак (Санкт-Петербург)</i> Лексические заимствования в глаголическом уставе Врбника XVI в.	341
<i>А. В. Котова (Санкт-Петербург)</i> Veneres Cupidinesque (Catul. 3. 1)	384
<i>В. М. Круглов (Санкт-Петербург)</i> Об издании неизвестных страниц академического «Словаря русского языка» (1930–1936): общая характеристика архивных материалов, правила публикации, пробный фрагмент	401
<i>А. М. Певнов (Санкт-Петербург)</i> Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине	441
<i>Н. Д. Светозарова (Санкт-Петербург)</i> Этот таинственный Боянус	464
Сведения об авторах	487
Аннотации и ключевые слова	491
Этические требования	509

CONTENTS

I. The Armenian and Proto-Indo-European Preterite Forms and Functions

Preface	9
<i>Anaïd Donabédian (Paris)</i> The aorist in Modern Armenian: core value and contextual meanings.....	11
<i>Vartan K. Kazaryan (Moscow)</i> Indo-European origins of Armenian aorist stems	68
<i>Ronald I. Kim (Poznań)</i> The prehistory of the Classical Armenian weak aorist	86
<i>Petr A. Kocharov (St. Petersburg)</i> A note on the origin of the Old Armenian mediopassive endings	137
<i>Frederik Kortlandt (Leiden)</i> The development of the sigmatic aorist in Armenian	149
<i>Hrach Martirosyan (Leiden)</i> The development of the Classical Armenian aorist in modern dialects	153
<i>Rémy Viredaz (Geneva)</i> Les désinences arméniennes d'aoriste et d'imparfait.....	163

II. Varia

<i>Sh. M. Alamshoev (Khorugh)</i> Borrowed phraseology in Shughni.....	271
<i>V. A. Bondar' (St. Petersburg)</i> Semantics of the perfect and its implementations in American English.....	283
<i>Y. A. Dzitstsoity (Tskhinvali)</i> Archaisms in toponymy of Ossetia: the names of grasslands	316
<i>V. V. Kozak (St. Petersburg)</i> Lexical borrowings in the 16 th century Glagolitic Vrbnik Statute	341

Contents

<i>A. V. Kotova (St. Petersburg)</i> Veneres Cupidinesque (Catul. 3. 1)	384
<i>V. M. Kruglov (St. Petersburg)</i> On the publication of unknown pages of the academic “Russian Language Dictionary” (1930–1936): general characteristics of the archival materials, publication rules, trial fragment	401
<i>A. M. Pevnov (St. Petersburg)</i> Linguistic evidence of historical contacts of Oroks with Orochs on Sakhalin	441
<i>N. D. Svetozarova (St. Petersburg)</i> This mysterious Boyanus	464
Contributors	489
Summaries and keywords	501
Publication ethics and publication malpractice statement	515

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Е. В. Головкин.

Т. XIV. Ч. 1. I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции / Ред. А. Донабедян, Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, Г. Мартиросян; П. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 525 с.

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил П. А. Кочаров

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Подписано в печать: 14.12.2018
Формат 60×88 1/16. Печать цифровая
Усл. печ. л. 31,4. Тираж 500 экз. Заказ № 914

Издательство РХГА
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595;
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>